

Неистощимая фантазия «лучшего друга детей»

К 115-летию со дня рождения Яна Бжехвы

Л.Я. ЗИМАН,

член Союза писателей Москвы, кандидат педагогических наук, доцент, Московский городской педагогический университет

Когда польское телевидение задало вопрос своим юным зрителям: «Кто лучший друг детей?», среди ответов были такие: «Моя мама и пан Бжехва» (*Барутчева Е.* Ян Бжехва. Как вырастить сказку из пуговицы // Дошкольное воспитание. 2008. № 1. С. 76). Автору занимательных стихотворений, восходящих к фольклорным нонсенсам, веселых сказочных повестей Яну Бжехве (1900–1966) 15 августа 2015 г. исполнилось 115 лет.

Первое, что сразу же привлекает польских детей, — странная фамилия одного из любимых писателей. Бжехва в переводе с польского *шутник, балагур*. Конечно же это псевдоним. Настоящая фамилия писателя Лесман. Дело в том, что, когда он только вступал на литературное поприще, в Польше знали его двоюродного брата — поэта Болеслава Лесмана (1877–1937), который был на 23 года старше Яна. Чтобы их не путали, детский поэт и сказочник и избрал такой шуточный псевдоним, эпатазирующий взрослых и привлекательный для детей.

Ян Бжехва родился в еврейской семье в городе Жмеринка — на территории Украины, жил некоторое время на Псковщине, в городах Новосokolьники и Великие Луки. Об этом периоде своего детства он напи-

шет потом автобиографический роман «Пора созревания». Гимназию будущий писатель закончил в Киеве, а после Первой мировой войны окончательно поселился в Польше, которая, как известно, до войны входила в состав России. Получил юридическое образование в Варшавском университете, занимался вопросами авторского права, защищал в качестве адвоката актеров и художников. Еще будучи студентом, Бжехва писал сатирические куплеты и тексты песенок для кабаре, детские книжки начал создавать еще раньше. В конечном итоге целиком посвятил себя литературному творчеству.

Детские годы Яна Бжехвы были связаны с Россией. Любовь к русскому языку и к русской литературе он сохранил на всю жизнь. Переводил на польский язык произведения В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, Н.А. Некрасова, А.П. Чехова, В.В. Маяковского, С.А. Есенина, И. Ильфа и Е. Петрова. Но некоторые исследователи особо выделяют его перевод «Конька-горбунка». Повезло П.П. Ершову, что на польском языке он предстал в переводе Бжехвы.

Но и Бжехве очень повезло: его стихотворения на русский язык переводил (или пересказывал) Б.В. Заходер. И эти переводы (пересказы) вошли в золотой фонд рус-

ской детской поэзии. В сборниках Заходера их обычно помещают под общим заголовком «На Горизонтских островах». Это одно из стихотворений Бжехвы — Заходера, звонкий, веселый перевертыш.

Вообще-то в оригинальном тексте эти острова носят название Бергамотские. Чего в них только нет! Муравей, везущий Осла; Кот в очках; синие слоны... Заходер в своем пересказе не сохранил практически ни одного образа оригинала. У Бжехвы груши растут на дубах, а у Заходера — на вербах. У Бжехвы лососи, которым так хочется почитать книжку, лежат на блюде, а у Заходера Бычки в томате ездят «по горам на самокате». У Бжехвы какая-то странная птица Лирохвост сидит на сверкающих ярче звезд яйцах, а у Заходера Трехголовый Кашалот

Сам играет на рояле,
Сам танцует,
Сам поет.

Начинается заходеровское стихотворение с того, что на Горизонтских островах,

По свидетельству ученых,
Ходят все
На головах!

Зайцы, которых, как мы помним, спасал в половодье некрасовский дед Мазай, здесь в таком спасении не нуждаются — они скачут по морю, как по суше.

И уж совсем невероятное явление: «Дети взрослых учат в школах!» Не исключено, что этот образ навеян произведением другого польского писателя — выдающегося педагога Януша Корчака. В результате реформ, проводимых малолетним королем Матиушем Первым, героем одноименной сказочной повести, взрослые пошли в школы на уроки, а дети — в учреждения, конторы, на фабрики.

Надо сказать, что у нас имеется достаточно близкий к бжеховскому оригиналу перевод Валериана Арцимовича, но сам Бжехва, по свидетельству очевидцев, остался доволен работой Бориса Заходера. Хотя, говорят, один из соотечественников Бжехвы не узнал в заходеровских Горизонтских островах польского источника и перевел стихотворение (пересказ) Заходера... на польский язык.

Вспомним: Заходер утверждал, что он не столько переводил «Винни-Пуха...» А.А. Милна, сколько учил «Винни и его друзей объясняться по-русски». По сути, во всех своих переводах (пересказах) он учил героев, в том числе лирических героев стихотворений, объясняться по-русски. Потому-то он часто обогащает стихи Бжехвы своими фантазиями, приближая эти стихи к нашим юным читателям.

И уж коли у Бжехвы появляются стихи, навеянные образами русской литературы, то можно, наверное, не сомневаться: они дойдут до наших читателей в переводах Заходера. Такова басня Бжехвы «Ворона и сыр». Заходер назвал свой перевод «Дырки в сыре». Звери активно обсуждают вопрос о том, кто в сыре наделал дыр. Естественно, Пес обвиняет в этом Кота, Кот — мышей... Арбитром становится Ворона, у которой «на сыр особое чутье». Все же знают, что в басне И.А. Крылова «посланный (ей. — Л.З.) Богом» кусочек сыра оказался в зубах у хитроумной Лисицы. Но, по-видимому, она извлекла урок из этой истории. Теперь ее не проведешь — теперь она обманывает всех. Исследуя проблему дырок в сыре, она конечно же «углубилась» в сыр. Двойное

значение этого глагола и в оригинале, и в переводе Заходера усиливает ироничность повествования. Когда потрясенные и оскорбленные звери обвиняют Ворону в том, что она съела весь сыр, она с поразительной невозмутимостью объясняет:

Вас
Интересовали
Дырки?
Так в чем же дело?
Сыр я съела,
А дырки –
Все! –
Остались целы!

У Крылова такое «убедительное» по формальной логике объяснение могло исходить из уст Лисицы, но никак не Вороны.

Заходер, следует добавить, обогатил стихотворение еще и тем, что вклинил в реплики некоторых персонажей звукоподражания: «Га-гадать я не берусь!» – восклицает Гусь. А Овца проблему дырок в сыре характеризует как «бе-е-зумно трудную задачу».

Среди малых фольклорных жанров разных народов есть потешки со своеобразным календарем на неделю: что должно произойти в понедельник, что – во вторник и т.д. Среди подобных потешек у англичан встречаются «гороскопы»: что ждет того, кто родился в определенный день недели:

Кто родился в понедельник,
Будет беленьким, как мельник.
Кто во вторник – справедливым,
А кто в среду – несчастливым,
Кто в четверг – бродягой вечным.
В пятницу – добросердечным,
Кто в субботу – к делу гош,
В воскресенье – всем хорош!

Перевод М. Бородинской

У Бжехвы героиней такой потешки-календаря становится «Муха-чистюха» (так в переводе Заходера). Каждый день – строго по расписанию! – Муха принимает ванны: в воскресенье – «в отличном клубничном варенье, в понедельник – в вишневой наливке, во вторник – в томатной подливке». И далее: в лимонном желе, в простокваше, в компоте, в манной каше, в киселе и смоле и, наконец, в чернилах. И завершается эта по-

тешка жалобой Мухи-чистюхи на то, как она устала, но...

Кажется,
Чище
Не стала!

Ироничное обыгрывание традиционных сюжетов – частое явление в стихотворениях Бжехвы. Но при этом он приближает эти сюжеты к сегодняшним, близким нашим детям перипетиям. В одной из его ироничных стихотворных сказок перед животными (естественно, антропоморфизированными, как в произведениях фольклора) ставится задача – отвезти стол *В ШКОЛУ* (вот оно – приближение в сегодняшней ситуации). И все животные – от Вола до Паука и Мухи (каждый последующий персонаж меньше и, естественно, слабее предыдущего) переключаются эту работу друг на друга. В конечном итоге доставил стол в школу не кто иной, как Муравей. Все, конечно, помнят, что репку удалось вытащить, когда за дело взялась Мышка – самый маленький персонаж сказки. Но у Бжехвы здесь и познавательный материал, тоже традиционный. Где только не воспевается трудолюбие муравьев!

Предлагает Бжехва в своих стихах-нонсенсах и математические задачки. В одном из таких стихотворений уверенный в своих математических способностях Сом никак не может вычестить ноль из десяти: то ли в результате так и останется десять, то ли – если вычеркнуть этот ноль – единица. Любопытно, что, наряду с математической задачей, здесь дается и лингвистическая игра: если своим мастерством хвастается Сом, то у него, конечно, не сАмомнение, а сОмомнение. Мы знаем, как любит и искусно разыгрывает лингвистические игры Заходер и в своих оригинальных стихотворениях, и в переводах (например, «Винни-Пуха...»). Конечно же он не мог пройти мимо подобной игры при переводе бжеховского стихотворения.

Что же касается игры математической, то она весело разыгрывается и в другом стихотворении Бжехвы – «Про Стоножку», у которой перепутались все ноги:

Задние – с передними,
Первые – с последними!

Девяностая — с Тридцатой,
Тридцать третья — с Сорок Пятой,
Двадцать первая — с Восьмой,
А Девятая — с Седьмой!

И лингвистические игры мы встретим не в одном стихотворении Бжехвы. Сбежавший из кухни Клей, персонаж одноименного стихотворения, клеит все, что попадает на пути: банки и бутылки, ложь и чашки, одеяла и подушки и т.д. Здесь основное (прямое) значение этого глагола. Но в последние годы глагол «клеиться» все чаще (и не только в молодежном сленге) употребляется в значении «испытывать взаимную приязнь друг к другу, входить в близкий контакт друг с другом». И именно такое значение глагола можно уловить в заходеровских фразах:

Кот
Приклеился к собаке,
А к трамваю
В тот же миг
Прилепился грузовик!

В заключительных стихах глагол «клеить» употребляется как метафора: предметы так близко примыкают друг к другу, что кажется, будто кто-то склеил их:

...глаза
Слипаться стали,
Чтобы все
Скорее спали!

Упомянем еще стихотворение «Хитрый вол». Главный персонаж его позавидовал Жуку, который только и делает, что жужжит. И решил Вол отказаться от своих — воловьих — обязанностей и целый день только жужжать. Но вместо жужжания вся округа наполнилась его мощным ревом. Народ стыдит Вола и называет... жуком. Но не в прямом значении, а в переносном: «плут» (см.: *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1990. С. 198).

Стихотворения Яна Бжехвы переводил на русский язык не только Заходер. Мы же упоминали переводчика Валериана Арцимовича. Можно найти, в Интернете например, переводы Л. Цывьяна. В одном из переведенных им стихотворений отвлеченное понятие «лень» становится антропоморфи-

зированным персонажем. Эта Лень не только не приготовила уроки и не пошла в школу, но и в кино не сходила: «Тащиться в такую даль!» И, сев за стол, раздумала ужинать, лишь зевнула. И даже не успела лечь спать — «Тут же уснула». Целый день она только сидит на диване — и при этом ужасно устает.

Наверное, дети, когда называли «пана Бжехву» лучшим своим другом, прежде всего, имели в виду его нонсенсы, веселые, ироничные и сатирические произведения. Однако он обогатил детскую литературу и стихотворениями пафосными, прославляющими труд и людей труда. Наверное, самым популярным среди таких стихотворений стало «Волшебник Ковальский», которое тоже перевел на русский язык Б.В. Заходер.

Дети любят Яна Бжехву-поэта. Очень популярной в нашей стране стала и его сказочная трилогия: «Академия пана Кляксы», «Путешествия пана Кляксы» и «Триумф пана Кляксы». Безудержная фантазия сказочника, кажется, нанизывает один эпизод за другим то в духе поэтики абсурда Льюиса Кэрролла, то в духе «самого правдивого человека на свете» барона Мюнхгаузена.

Действие первой повести происходит в стенах очень своеобразного учебного заведения — Академии пана Кляксы. Лестница здесь ведет только до третьего этажа: на четвертый этаж вход запрещен, ибо там хранятся... самые сокровенные тайны. Руководитель Академии взбирается на четвертый этаж через трубу, на остальные этажи — по перилам снизу вверх. Одним словом, пан Клякса ведет себя как ребенок. Но он и педагог. Он и великий ученый в самых разных областях: электроника, механика, химия, языки, археология и др. И кроме того, он волшебник.

В Академию он принимает только мальчиков с именем на букву А, «чтобы не засорять себе голову всеми буквами алфавита» (цит. по переводу М. Ландмана). Ребенок! Но сам он объясняет эту причуду, ссылаясь на исторический опыт школьного образования: мальчики на А «идут первыми по списку, а первыми бывают самые способные и прилежные ученики» (тут и кэрролловская лингвистическая игра, основанная на формальной логике). Уже в третьей повести,

после того как читатели познакомятся с многочисленными открытиями пана Кляксы и поразятся его уникальным конструкторским способностям при создании плавсредств, они вдруг узнают, что он с мальчишеским задором (и ловкостью фигуриста) катается по доскам палубы после того, как их окатили водой. Это, по его утверждению, помогает ему сосредоточиться.

И он действительно то предстает совершенно крошечным (как-то даже заснул в стакане в холодильнике), то взрослым человеком нормального роста, то великаном (как Гулливер?). Спит он в кровати величиной с папиросный коробок, а проснувшись, вставляет в ухо изобретенный им увеличительный насос и через десять минут достигает своего обычного «дневного» роста. Этот увеличительный насос будет использоваться с разными целями: то увеличит актовый зал, чтобы вместить всех гостей Академии, пришедших на праздник; то салон трамвая, чтобы вместить всех пассажиров.

Подобно ребенку, пан Клякса умеет летать. Подобно ребенку, держит в карманах невероятное количество всяких вещей. Но здесь уже писатель прибегает к «безразмерной» гиперболе: у Кляксы на штанах 16 карманов, на жилете — 24, даже в кальсонах (об этом мы узнаем уже в третьей повести) имеется два кармана. Перед сном он опустошает карманы и «складывает их содержимое в отдельной комнате, причем нередко случается, что одной комнаты мало и приходится открывать вторую, а то и третью».

Но, наверное, самое удивительное в Академии пана Кляксы — множество железных дверец, ведущих в соседние сказки: и Андерсена, и братьев Гримм, и Гофмана, и Пушкина, и в фольклорные... Иногда приходится посылать учеников — чаще всего главного героя, от имени которого ведется повествование, Адама Несогласку — с поручениями: за сапогами — в сказку о Коте в сапогах, за метлой — в сказку про Лысую гору, иногда и за самим Котом — «когда в кладовой пана Кляксы завелись мыши».

Но самое главное, пан Клякса действительно владеет ключами от поэтики сказок. Причем, в отличие от педологов, например,

не противопоставляет сказку, фантазию рассказу о научно достоверных явлениях — для него эти два начала едины и взаимозаменяемы, интегрированы. Во второй книге трилогии Адам Несогласка сообщит, что за стеклом иллюминатора «проносились морские чудовища, о которых слышали только ученые и сказочники». А сам пан Клякса скажет: «Многому учат путешествия, но еще большему учат сказки» (Цит. по переводу Р. Пуришинской и Л. Хайкиной под редакцией М. Ландмана).

В первой повести трилогии подробнейшим образом описываются школьные будни в Академии. Здесь обучают клясописание: из размазанных на листе бумаги клякс получают различные изображения и картины. Еще буквовязанию: ниточки, из которых состоят буквы, распутывают, наматывают на катушки и вяжут узелки; буквы пропускаются через пальцы, от этого зрение не портится, а книга прочитана. Тут, между прочим, есть и познавательный материал — о древнейших (дописьменных) предметных посланиях с помощью узелков. Наверное, самые увлекательные уроки — по географии: мальчики играют в футбол мячом-глобусом и, нанося удар, называют местность, «куда угодил носок башмака». Если ошибаются, раздается свисток судьи — пана Кляксы.

Ученики изучают языки животных и птиц. Адам, главный герой трилогии, по окончании Академии (в последней повести) получит диплом Доктора Звериной Филологии. Он займется составлением сравнительного словаря диалектов озерных и прудовых лягушек, а по заказу Института вымышленных проблем — исследованием различий в правилах произношения собачьего «гав» и кошачьего «мяу» в 26 языках и говорах Дальнего Востока. И к тому же еще переложением комариного писка для хора и оркестра. Так что не зря Адам так добросовестно занимался на том уроке, когда ученики, сидя у пруда, «...записывали в тетрадках кваканье лягушек и выбирали из этого кваканья отдельные слоги, из которых складывали стихи». Впрочем, так сказать, человеческие языки здесь тоже усваиваются очень успешно. Один из учеников чуть ли не в четверть часа научился китай-

скому. Пан Клякса сразу догадался, что он съел польско-китайский словарь (игра слов: «глотать книги»).

Естественно, в Академии пана Кляксы уделяется внимание экскурсионной работе. Ученики посетили сверхсовременный Завод дыр и дырочек, где поточным методом делают дырки для ключей, колец, ножиц и складывают их в вагонетки, «после чего большие подъемные краны переносят их на склад». Особого искусства требует производство дырок для колен и локтей — с обтрепанными краями. В одном из стихотворений Бжехвы мы уже встречались с дырами — в сыре. Но такие искусные и разнообразные дыры заводского изготовления можно встретить лишь в сказочных повестях.

Во второй повести трилогии мы переносимся в некую страну Сказандию, где очень любили и сочиняли сказки, но не могли их записать, потому что чернила были белыми (на белой бумаге не видны), а мел — черным (на черной доске записи не видны). Вот пан Клякса и сооружает экспедицию за черной краской для сказителей.

В этой экспедиции пан Клякса, как всегда, проявляет черты великого путешественника и изобретателя — и одновременно эксцентричного ребенка. Как-то раз, например, он стоял на руках и ногами указывал капитану нужное направление.

Куда только не попадают мореплаватели! То к одноногим великанам, отталкивающимся при помощи пружины на подошве; то — уже в третьей части — к трехногим и трехруким существам. В описании необычных существ можно уловить, наверно, апокалипсический намек на опасность всеобщей компьютеризации и роботизации: одноногие великаны «носят очки с маленькими стеклами-экранами, в которых отражаются все их мысли», а «вместо сердца (у них. — Л.З.) стальные пружины» (цит. по переводу Р. Пуришинской и Л. Хайкиной под редакцией М. Ландмана). В одной из стран путешественники обнаружат исчезновение винтолетов, на которых они прилетели, ибо дети, у которых здесь «нет никаких игрушек», разобрали их на отдельные детали — для игр. И тогда дальнейшее путешествие по бушующим волнам совершает-

ся в так называемом Правительственном дупле (от дерева!).

Тут уж мы встречаемся с рассказами в духе повествований барона Мюнхгаузена. Чтобы дупло-бочка плыла по волнам, в воду бросили просмоленные канаты, которые схватили акулы, — и смола склеила им зубы, посему они, пlying, тянули канаты, а следовательно, и всю бочку. Одного из путешественников повесили на шесте, и «он раскачивался на веревках, как на качелях. При виде такого лакомого кусочка акулы тронулись с места. И чем больше манила их желанная добыча, тем быстрее скользил по волнам необыкновенный корабль».

Или другой эпизод, когда Клякса оказался за бортом в окружении двух рыб-пил. Вскочив верхом на одну из них, он заставил ее перепилить другую.

А вот уже образцы литературы абсурда. Путешественники попадают в страну Невзаправдию, где живут персонажи еще не написанных сказок, их еще должен придумать какой-нибудь сказочник. В третьей повести трилогии — «Триумф пана Кляксы» — мы узнаем о существовании учебного заведения, именуемого Институт Мнимых Открытий и Изобретений. Его основал один из путешественников, «...который случайно открыл Америку прежде, чем она была открыта по-настоящему» (цит. по переводу Е. Соколова под редакцией А. Филонова).

Триумф, о котором рассказывается в этой повести, состоит в создании искусственного человека. В первой повести трилогии этот искусственный человек по имени Алойзи Пузырь был принесен в качестве металлической куклы в Академию пана Кляксы. Клякса добился того, что под металлической кожей у Алойзи проступили кровеносные сосуды, оживил грудную клетку и т.д., — одним словом, сделал живого человечка (литературный собрат Пиноккио, Кьодино?). Но этот человечек оказывается не просто шалуном — прямо-таки омерзительной личностью, по сути, он разрушал Академию. Посему был разобран на части, которые сложили в чемодане.

Но во второй и третьей повестях он вновь является читателю в человеческом облике и вновь творит одну пакость за другой. Пан Клякса совершенствует свое

создание: вставил пружину правильного мышления, «запудрил мозги» порошком почтения и послушания, получил химическим путем материю, близкую к человеческой коже, которую для надежности обработал мега-лучами. Больше того, установил в правом ухе барабанную перепонку дальнего прослушивания. Одним словом, создал совершеннейшее существо. Что это? Гимн клонированию человека? Нет. Сам Клякса, демонстрируя свое творение и отмечая его уникальные достоинства, добавляет, что Алойзи стал *почти что человеком* (выделено нами. — Л.З.). Но это не недоработка, а принципиальный замысел творца: «Алойзи Пузырь умен, сообразителен, энергичен, учтив, старателен, безотказен, выдержан, спокоен, прилежен и надежен — ему недостает лишь воображения. То есть он обладает всеми качествами, необходимыми для хорошего чиновника». Пан Клякса предрекает серийное производство таких Пузырей. Здесь уже звучит отнюдь не оптимистический мотив, обращенный скорее к взрослому читателю, чем

к ребенку: о формировании в стране чиновников-исполнителей, а не творцов. Есть в повести Бжехвы и трагическое предсказание о том, что люди станут придатками машин-роботов, которые смогут заняться даже самовоспроизводством. Вот уже и адмиральский мундир надевает Алойзи и командует людьми.

Концовки всех трех повестей неожиданны — и неожиданны, прежде всего, своей абсурдностью. В первой повести пан Клякса превращается в волшебную пуговицу, во второй — в бутылку с чернилами, в третьей — в птицу, след от полета которой стал распадаться на части, превращающиеся в буквы. И появляется надпись «Па-рам-пам-пам». И далее чуть ли не гоголевский прием иронического притворства: «Этой незатейливой песенкой пан Клякса возвещал миру о триумфе своего гения и о своей победе над считавшимися незыблемыми законами природы».

Поистине неистощимой была фантазия у «лучшего (наряду с мамой) друга детей» — поэта и сказочника Яна Бжехвы.

Отражение детской непосредственности и нравственно-философский подтекст в сказках Джоан Эйкен¹

Е.В. КАРПЕНКО,

учитель начальных классов, школа № 1210, студентка, Московский городской педагогический университет

Казалось бы, любая детская сказка не имеет в своем содержании ничего сложного или такого, что было бы непонятно. Однако сказки писательницы Джоан Эйкен, родившейся в Рае — небольшом историческом городе Англии в 1924 г., имеют некоторое очарование и тайну, которые не всегда можно встретить у других авторов. Интересно, что писать Джоан начала в возрасте пяти лет, когда на подаренные в день рождения два

шиллинг она купила стопку бумаги. Маленькая девочка развлекала себя и своего брата тем, что после долгих прогулок по окрестным полям рассказывала сказки о выдуманных странах, а самые удачные, как ей казалось, приключения Джоан Эйкен записывала в дневник.

Сказки Джоан Эйкен пронизаны детской непосредственностью, наличием своеобразного юмора и нравственно-философ-

¹ Статьи Е.В. Карпенко, Н.Н. Калугиной, М.Г. Маликовой выполнены под руководством Л.Я. Зимана.